

12+

ТАНЦЫ НА ЗОЛОТЕ

ТАТЬЯНА ХАПТАНОВА

Татьяна Хаптанова

Танцы на золоте

«Издательские решения»

Хаптанова Т. Г.

Танцы на золоте / Т. Г. Хаптанова — «Издательские решения»,

Василий Пешков при строительстве дома-пятистенка замуровал бутылку с золотом на «черный день». Но «черный день» наступил 3 июня 1931 года. Семью раскулачили, Василия бросили в тюрьму на десять лет, а Ефросинью с детьми дважды угоняли в ссылку. Их дом превратился в сельский клуб, где целый век люди пели и танцевали, а золото, спрятанное в бревне, оставалось немым свидетелем, храня тайну и память. Но 19 декабря 2022 года вековая лиственница сгорела дотла, унеся с собой эту тайну.

© Хаптанова Т. Г.

© Издательские решения

Содержание

Аннотация	8
Пролог. Последний сеанс	9
Часть 1. Последний костер на Унде	10
Часть 2. Свадьба	16
Часть 4. Строительство пятистенка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Танцы на золоте

Татьяна Георгиевна Хаптанова

Благодарности:

Татьяна Георгиевна Хаптанова

© Татьяна Георгиевна Хаптанова, 2026

ISBN 978-5-0070-2093-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Татьяна Хаптанова — кандидат педагогических наук, автор документально-художественной семейной саги «Танцы на золоте», внучка Ефросиньи Пешковой и Мирона Пляскина.

Для неё эта книга — не просто исторический очерк, а попытка осмыслить масштаб личности своей бабушки, на долю которой выпали тяжелейшие испытания XX века.

В жилах автора течёт кровь двух суровых краёв Забайкалья: бескрайних Нерчинских степей по материнской линии и глухой тайги Красночикойского района по отцовской. Но именно образ бабушки Фроси стал для неё главным нравственным ориентиром. Автор поставила перед собой задачу рассказать о женщине, сумевшей пройти через ссылки, потери и жестокость времени, сохранив достоинство, силу духа и любовь к жизни.

Особое место в книге занимает Василий Пешков — муж Фроси. Его возвращение из ухтинских лагерей и воссоединение с семьёй стало высшим актом любви, верности и человеческого мужества.

Татьяна Хаптанова показывает, как два человека, израненные системой, нашли в себе силы начать новую жизнь в бурятском селе Аларь Иркутской области.

В основу книги «Танцы на золоте» легли архивные поиски, рассказы бабушки Фроси, семейные документы и предания о жизни в Балеysком районе Читинской области.

Это книга-памятник бабушке, прожившей почти сто лет и ставшей живой летописью века.

Автор приглашает читателя пройти вместе с Фросей путь от берегов родной реки в Сарбактуе до долгой, почти вековой жизни на Аларских степях, чтобы понять, на чём по-настоящему держится русская душа.

Семейная сага «Танцы на золоте» рассказывает не только о личной истории семьи Пешковых, но и о судьбе всего забайкальского народа в годы репрессий.

г. Иркутск-2026г.

Аннотация

«Танцы на золоте» — это документально-художественная семейная сага о любви, надежде, предательстве и силе человеческого духа, охватывающая целую эпоху — золотого десятилетия Забайкалья начала XX века до наших дней.

На фоне богатых приисков, музыки, танцев и блеска золота рождаются судьбы героев, которым предстоит пройти через Гражданскую войну, репрессии, ссылки, лагеря ГУЛАГа, военные лишения и тяжёлые послевоенные годы.

Это история о людях, которые, несмотря на страх, потери и жестокость времени, сумели сохранить любовь, память, веру в жизнь и стремление к счастью.

В 1918 году казак Василий Пешков сделал выбор: он оставил службу у атамана Семенова, чтобы начать новую жизнь, возделывать землю и строить дом-крепость — пятистенки. В стене этого дома он замуровал бутылку с золотом на «черный день».

Но «черный день» наступил 3 июня 1931 года. Им сказали одно слово — «кулаки» — и выслали из родного Сарбактуя. Семью раскулачили, Василия бросили в тюрьму на десять лет, а Ефросинью с детьми дважды угоняли в ссылку.

Хозяева дома выживали в неволе, их клад оставался нетронутым. Это золото не стало материальным богатством, но оно стало их внутренней опорой — поддержкой, которая помогала выстоять в самых тяжелых моментах жизни и давала надежду на возвращение домой.

Их дом превратился в сельский клуб, где целый век люди пели и танцевали, а золото, спрятанное в бревне, оставалось неммым свидетелем, храня тайну и память.

Но 19 декабря 2022 года вековая лиственница сгорела дотла, унеся с собой эту тайну.

Эта книга — о том, что можно отобрать всё, но нельзя отнять память. Именно она даёт опору роду и силы для продолжения жизни.

Пролог. Последний сеанс

Поздний вечер в Иркутске. Готовясь к лекции, я листала оцифрованные архивы и наткнулась на сводку: *«19 декабря 2022 года в селе Сарбактуй полностью сгорел сельский клуб...»*.

На видео яростно полыхали старые бревна. В комментариях в сетях, ломая официальный язык, писали в один голос: *«Пешковский дом горит...»*

У меня перехватило дыхание. На экране медленно исчезал дом моей бабушки — тот самый, из которого в 1931 году её семью выкинули, а дом отдали под клуб. Десятилетиями там крутили кино, гремела музыка, кружились пары. И только в пламени пожара открылся страшный символизм: почти век люди буквально танцевали на золоте — на чужой крови, на замурованной в стене бутылке с золотом.

В этот вечер, я вытащила старую коробку. В которой тридцать лет лежала с пожелтевшими листками тетрадь. Будучи совсем молодой, я садилась рядом с бабушкой Фросей и бережно, слово за словом, записывала её воспоминания, её жизнь, её тоску по Забайкалью.

С её страниц веяло ушедшим веком. Среди забайкальских диалектов и названий забытых сов — мерлушек, торонт, приисков — хранилась вся её жизнь.

Тогда мне не хватало мудрости, чтобы понять масштаб трагедии: казалось, это просто истории.

Бабушка Фрося прожила сто лет. Эта бутылка с золотом, замурованная в стене, была не просто сокровищем: она давала надежду на возвращение, хранила связь с родной землёй и прошлой жизнью.

И вот, спустя почти век, круг замкнулся. Огонь уничтожил стены, но обнажил память. Эта книга попытка вернуть Ефросинью и Василия домой в Сарбактуй.

Стоило открыть страницы тетради, как на меня хлынул залитый кровью и золотом 1918 год — именно там, в Забайкалье, всё только начиналось.

Часть 1. Последний костер на Унде

В Забайкалье 1918 года царила особая эпоха: старый мир уже треснул, а новый еще не успел показать свои когти. Власть сменялась стремительно — от Советов в начале года до режима атамана Семёнова к осени.

Семеновские бронепоезда уже начали наводить ужас на приисковые поселки. Смертельная казнь стала обыденностью.

При этом в Чите и Балее жизнь продолжала бурлить: работали рестораны, крутилось золото, офицеры и казаки щедро разбрасывались деньгами. Это было «пирушкой во время чумы».

Селе Сарбактуй привольно раскинулось в самом сердце бескрайних Нерчинских степей, в долине между двух рек — маленькой, почти домашней Сарбактуй и большой, своенравной Унды.

Казачьи усадьбы стояли в основном «лицом» к реке. Дома строили добротнo, из ливенницы, на века. В селе тогда насчитывалось около ста дворов.

Семьи были большими — по восемь-десять детей, поэтому в избах всегда было тесно, шумно и живо. Жили сплочённо, помогали друг другу, делили радости и беды сообща. Топили печами, воду возили из реки или брали из колодцев. Основной едой были свой хлеб, мясо и всё, что давали тайга и река.

На окраине деревни, в распадках, стояло около десяти юрт. Казаки и буряты жили бок о бок, торговали, помогали друг другу, дружили семьями.

Сарбактуйцы жили по принципу: «Пока пули не свистят — строим и любим». Это была обманчивая тишина перед бурей. Люди торопились справить свадьбы и докрыть крыши железом, стараясь не смотреть в сторону тракта, откуда в любой момент могли нагрянуть «кожаные куртки» или казачьи патрули.

Край жил по суровым законам казачьей вольницы, здесь начиналась история большой любви и тяжелого труда, ставшего залогом выживания в этом непростом времени.

Фрося стояла на каменистом берегу, подоткнув тяжёлый подол юбки. Она была настоящей красавицей той редкой поповской породы: высокая, статная, с густой косой цвета спелой забайкальской ржи, золотевшей на солнце. Её голубые глаза, прозрачные, как ледяная вода в ключе, сейчас были сосредоточены на работе. Она с силой была вальком по мокрому холсту.

Сентябрь подходил к концу, вода в реке Сарбактуй стала прозрачной как стекло и ледяной — аж пальцы сводило, но бабам было некогда беречься.

Фрося с сестрой Просковьей и остальными сарбактуйскими женщинами облепили склизкие мостки, торопясь перестирывать тяжёлые холсты до первых больших заморозков. Стук вальков и плеск мокрого белья заглушали привычное журчание реки.

Места здесь были шальные, золотые: тяжёлый жёлтый песок то и дело оседал на каменистом дне прямо у деревни. Бабы знали: «Полощешь рубаху — гляди в оба. Крупицы золота то и дело намертво застревали в грубых швах». Такие находки в Сарбактуе случались часто, но вслух о них никто не говорил — тайгу и реку зря не дразнили.

Сарбактуй находился в золотоносном районе: крупинцы драгоценного металла смешивались с речным песком и застревали в пододеяльниках, холщовых штанах, грубых рубахах. Полоскали их в проточной воде, и ткань превращалась в своеобразное сито. Тяжёлые «золотинки» оседали в складках, швах и карманах.

Полоскание белья на реке было тяжёлой и изнурительной работой, особенно в холодное время года. Бельё везли к воде на санках зимой или в корытах летом. Женщины стояли по колено в ледяной воде, выбивали, полоскали, выкручивали тяжёлые мокрые вещи. Чтобы руки не окоченели, их время от времени согревали тёплой водой из бутылок.

Опытные женщины знали особые места на реке — там, где течение после переката замедлялось, а песок оседал гуще. После стирки на дне корыта можно было заметить «золотники» — мелкие блестящие чешуйки, а порой и крошечный самородок.

Вдруг Просковья резко замерла, перестала тереть холст и уставилась на дно своего деревянного корыта. Вода схлынула, и на самом дне, в стыке досок, среди речного отсева ярко блеснуло желтое зернышко — чистый золотник. Просковья воровато оглянулась, быстро, как ящерица, смахнула крупицу в ладонь и придвинулась к самому уху Фроси, чтобы никто другой не услышал.

— Глянь, Фроська, че деется, — горячо, едва дыша, выдохнула она на ухо. — Чистый золотник...

Не к добру это. Речка, глядя на зиму, золото прямо к ногам кидает, точно откупиться от чего-то хочет. Быть большой крови...

Фрося не успела ответить. Сверху, со стороны пожелтевшего косогора, послышался тяжелый стук копыт.

Она выпрямилась, приложила мокрую руку ко лбу и прищурилась.

Бабы разом подняли головы, кутаясь в шали от резкого осеннего ветра.

Всадник на горячем коне обрывал бег прямо перед ней. Конь храпел, вскидывал голову, брызги воды летели на подол её юбки.

Это был Василий Пешков.

Он возвращался домой на побывку и подъехал к Фросе. Она его не видела с самой весны, он изменился, перед ней стоял взрослый мужчина.

Василий сидел в седле как влитой. На нём была суконная гимнастёрка, пахнущая дорожной пылью и ружейным маслом, серая папаха и те самые дерзкие ярко-жёлтые лампасы по швам синих шаровар. На боку тяжело покачивалась шашка. Он казался Фросе опасным, пахнущим войной и порохом.

Василий придержал строевого коня у самой кромки воды, глядя на светловолосую казачку сверху вниз. На его загорелом лице сверкнули белые зубы.

— Напоишь коня, Попова? Совсем притомился мерин.

Фрося не отвела взгляда. Её голубые глаза потемнели, как река перед грозой.

— Пусть пьет, Пешков. Река пока ещё наша..., не Семёновская. Только коня своего придержи, бельё мне не замарай, а то вальком огрею — спина долго помнить будет.

Смех на берегу разом смолк. Бабы прикусили языки, вспомнили, как совсем недавно по этим деревням носились казачьи сотни атамана, забирая последних коней и сея страх. Они, перестали бить вальками и начали «греть уши». Это создавало напряжение в воздухе.

Василий лишь усмехнулся, глядя, как она гордо вскинула подбородок. В тот миг он понял: эту женщину не сломить. Он тогда еще не знал, что эта девушка с мокрыми руками станет его судьбой, что именно ее он будет вспоминать в ледяных бараках Ухты и что ради нее и их будущих детей он вынесет невозможные десять лет ГУЛАГа.

Ишь, как вырядился... Лампасы-то как золотят, глазам больно. Ты воды приехал пить или пугать нас своей шашкой? — выкрикнула Прасковья, поласкавшая бельё.

Никого я пугать не собираюсь, — громко ответил Василий, нарочно глядя на Фросю, чтобы каждое слово слышали все вокруг.

Фрося была истинной казачьей породы — из тех женщин, чью стать не согнуть ни годами, ни горем. В свои двадцать два года она казалась выше и крепче сверстниц.

Взгляд был без лукавства, уже тогда проглядывалась та твёрдость, которая позже поможет ей выстоять в ссылках и похоронить любимых, не потеряв рассудка.

Фрося стояла у кромки воды, расправив широкие плечи, и во всей ее осанке, в каждом жесте сквозило спокойное достоинство хозяйки этой земли.

Она смотрела на его лицо, густо загорелое от степных ветров, и вдруг почувствовала, как сердце резко забилося, соскользнув куда-то в колени, а по венам разлился такой жар, будто она пригубила крутого кипятка.

Фрося уже знала, что этот момент не останется незамеченным: завтра всё село будет обсуждать, как Василий Пешков поил коня прямо у её ног.

Василий понял, подъезжая к дому, что в его душе уже поселилось новое чувство, которое навсегда свяжет его жизнь с этой женщиной.

Он наспех привязал повод к столбу у ворот и забежал на крыльцо.

Назар, его отец, сидел у стола, подписывал векселя.

Подняв угольно-черные глаза на сына — на лампасы, на шашку, на изменившееся, грубоватое лицо — он глухо сказал:

— Ну, с возвратом. Надолго ли?

Василий прошёл к божнице, коротко перекрестился и, бросив папаху на скамейку, ответил:

— Насовсем, батя. Хватит.

Он шагнул ближе, и его голос зазвенел:

— Не пойду я больше к Семенову. Не за него я. Хватит с меня. Свою кровь проливал, чужую видел — не за него я. Полгода отслужил — будто век прожил.

Назар погладил седую бороду, кустистые брови взлетели, обнажая сеть морщинок у глаз на загорелом, иссечённом солнцем и ветром лице. Его взгляд — пронзительный и внимательный — отражал смесь страха за сына и скрытой, потаённой радости.

— Дезертиром кликнут, Васька. Под пули пойдешь.

— Пускай кличут, — Василий упрямо наклонил голову. — Я землю пахать хочу, а не людей по степи гонять.

— Не за него, говоришь? — сказал Назар, обдумывая. — Коли так... коли решил на земле стоять — стой до конца.

— Раз не твоё — значит, отвоюем тебя, Васька, — тихо, но решительно сказал Назар.

Он встал, подошел вплотную, положил тяжелую руку на плечо сына и заговорил совсем иначе — тише:

— Ладно... в Сарбактуе все знают, что ты к Семенову по мобилизации, по набору попал, не по своей воле.

Тут в Чите Атаман засел, ему армию кормить надо. Ему плевать на твои обиды, пока я налоги исправно плачу.

— А если власть здесь пошатнется, и Семенова попрут, в лесах уже партизаны сидят, своего часа ждут. Страшно? Страшно. Но запомни, Васька: кто землю пашет, того ни те, ни эти до поры не тронут. Им всем хлеб нужен. Я их всех кормлю — и тех, кто в Чите, и тех, кто в лесу. Это и есть наша броня.

— Жениться я решил, батя. Чтобы корень пустить, пока всё прахом не пошло. На Покров венчаться будем.

Назар взглянул на сына.

— Чьих присмотрел? — прищурился старик.

— Фросю Попову. У реки сейчас видел. Её возьму.

Фамилия Поповы в Забайкалье считалась одной из самых почитаемых и древних. Это была крупная казачья династия. В Сарбактуе и окрестностях Поповы часто были не просто рядовыми казаками, а людьми грамотными, иногда из духовенства или станичных писарей. Назар понимал: соединяются две глыбы, два рода.

Он долго молчал, глядя в окно, туда, где за сопками догорало солнце. Поповы были родом тяжёлым, гордым, под стать Пешковым.

— Поповская, значит... — Назар качнул головой. — Характер там — косой не скопишь. Справишься ли, казак?

— Справлюсь, батя. Она — моя.

— Дом ставить буду. Пятистенок.

— Пятистенок... — глухо проговорил отец, не поднимая глаз с пола. — Места ему мало. А ты оглянись, посмотри, кто в этом доме остался.

Отец медленно обвел взглядом углы просторной горницы.

— Иван, старший твой брат, где?

— В «Балейзолото», в артели, — ответил Назар. — Весь в работе, раз в месяц приезжает. Семья его здесь, во дворе, в старом доме — считай, на мне держится.

— Николай? — отец кивнул в сторону окна, где виднелся сруб соседа. — Свой угол поднял, копошится там, скоро съедет. Только пятки засверкают.

— Алексей?

— Алексей здесь, при мне, со своей женой и детьми. Две сестры твои замуж ушли в чужие семьи, ещё две — девками сидят. За ними глаз да глаз нужен.

Отец пристукнул ладонью по столу, так что зазвенели ложки.

— Куда ты лезешь, малый? Пятистенок — это же прорва! Сколько лесу, сколько сил туда уйдёт? Ты младший! По всем законам, и божьим, и людским, ты при мне остаться должен. Старость мою доглядывать.

— Дом у тебя, батя, бравый, спору нет. И хлеб твой сладок. Но я от Семёнова уходил не для того, чтобы за твоей спиной прятаться. У тебя в доме — я сын, а дети мои будут внуками в чужом углу. А я хочу, чтобы Фрося в своём доме была хозяйкой. Чтобы каждый венец я сам почувствовал. Да и время, батя, такое... своё гнездо надёжнее.

— Я сюда жену приведу и останусь сыном. А в свой дом буду мужем и хозяином.

— Алексей с тобой будет до конца!

— Воля твоя, — буркнул старик, отворачиваясь. Но в его голосе Василий уловил скрытую гордость. — Коль решил отделяться — отделяйся.

Назар смотрел на сына. Он видел в нём себя — такого же упрямого и жадного до жизни. Он понимал, что старый мир умер, а новый рождается в муках. Иногда лучше сидеть тихо, а иногда — строить забор повыше.

Старик обвел взглядом горницу и добавил:

— Лиственницу в тайге хорошую подбери, чтобы как звон звенела.

— Найду, батя, мне триста стволов надо.

— Триста? Это ж не изба, это крепость.

Крепость и будет, — Василий подался вперёд, упираясь кулаками в дубовую столешницу. — Время лихое, батя.

— Назар снова посмотрел на сына. — Ну что ж, слова твои правильные. Женатому мужику свой порог нужен. Срубишь криво — перед людьми мне стыдно будет.

— Триста, значит...

— Стройся, сын. Ставь дом на века. Только помни: наш пятистенок — это мишень, пока мы их кормим — они мимо едут, но как начнут всё делить — первыми к нам во двор зайдут.

— А теперь слушай меня внимательно. Пока в Питере смута гуляет, власть из рук в руки рвут, в Забайкалье тишина. Нам года два, бог даст, Васька. Успеем дом срубить и в землю врасти.

Назар помолчал немного, затем кивнул, коротко и властно:

— Завтра же выпишу порубочную. Лес бери, артель нанимай.

Василий тяжело прошёл в сени и скрылся в густой, пахнувшей старой кожей и сушёными травами темноте чулана. Через минуту он вернулся, неся в руках увесистый свёрток, туго перевязанный бечёвкой. С глухим, тяжёлым звуком он уронил его на стол перед отцом.

— Вот, батя, моё это. Артельное. Я за него два года спину гнул, пока война до нас не докатилась.

Отец взглянул на свёрток так, будто это была не добыча, а живая гадюка. Медленно отодвинул золото на край стола, словно опасаясь, что оно оживёт.

Назар подошёл к сундуку, открыл крышку, извлек тяжёлый кожаный кисет, и с глухим звоном на стол упал серебряный рубль.

— На золото дом ставить — всё равно что фундамент на крови месить. Оно глаз режет, покой крадёт. Ты его из артели честно брал, а придёт власть — скажет: украл. На серебро, дедовское, будем поднимать пятистенки. А своё... убери назад. Спрячь так, чтобы сам забыл. Чует моё сердце, этим золотом не бревна покупать будешь, а голову свою откупать.

— Смотри, Васька: с этого дня спрос с тебя будет как с взрослого. Срубишь дом — станешь человеком. Не сдюжишь — пеняй на себя.

— Сдюжу, батя.

На следующий день Назар вернулся из сельсовета хмурый, но спокойный.

— Переговорил я с председателем, — бросил он Василию. — Сказал, что сын у Семёнова не по воле был, а по малолетству да по набору. А теперь, мол, трудовой элемент, дом для семьи ставит. Я им — коня и пять возов овса, они мне — тишину для тебя. Вопрос закрыт.

— И с атамановыми разъездами договорюсь, откуплю тебя — сын, помощник в хозяйстве, кормилец для армии. Но помни: каждый венец твоего дома будет оплачен моим серебром и твоим молчанием. Нынче в Забайкалье тишина только у тех, кто платит горазд. Пользуйся этим временем. Ставь сруб. Это затишье — оно не навсегда.

Назар посмотрел на Василия и добавил.

— Фрося — девка справная, из нашей породы, — глухо, но твердо сказал отец. — Бери её, паря. Не тни: время шальное, закрутит — не расхлебам. Иди сегодня и спроси прямо: пойдёт ли замуж?

— Вечером поеду, — ответил Василий.

— Добро. Ступай. Коня моего бери.

Василий ехал по берегу Унды к дому Фроси. Вдали у реки горел костер, доносилась музыка — деревенская молодёжь гуляла.

В деревне её было много, и когда дневная суeta затихала, они стягивались к реке на «пятючек». Костер был их главным «клубом», центром всех вечерних встреч и развлечений.

Василий придержал коня. У воды звенели молодые голоса: девчата выводили тонкую песню, а костёр бросал жаркие искры в чёрное забайкальское небо. Василий засмотрелся на огонь. Ещё вчера ему

было любо так же коротать вечера — петь да смеяться с ребятами. Но сегодня его уже не тянуло к прежним забавам. В сердце Василия жила зазноба. Он не жалел об уходящей воле: ради Фроси был готов горы свернуть, лишь бы всю жизнь оберегать её, беречь пуще глаз своих и вместе с ней строить их новый дом.

Он услышал звук гармони и улыбнулся: вечер в разгаре. Гармонист Митька садился чуть поодаль и всегда начинал с тихого перебора, позволяя всем сосредоточиться. А потом ударял по басам, и тут же заводили «кадриль». Плясали прямо на траве босиком, смеясь и кружась под свет костра.

Когда девчата выходили к костру их ситцевые подолы искрились в сумерках. Платья взлетали в кадрили, колоколом раздувались, и в отсветах костра казалось, что это не просто ситец, а сама жизнь — яркая и звонкая, выкупленная у суровой забайкальской земли за чистое золото.

Парни замирали, видя эту красоту. Ведь в этих платьях было все: и бессонные ночи матерей — швей, и отцовский труд в шахтах, и девичья мечта быть самой красивой у вечернего огня.

Когда уставали плясать, начинали играть в «колечко» — законный повод сесть поближе к тому, кто нравился.

Когда-то и Василий кутил с друзьями — молодой, горячий, пропадал у костров до самой зари. Теперь у огня веселилась уже другая молодёжь: так же задорно пели, так же лихо отплясывали в отблесках пламени, будто время и не думало идти вперёд.

Василий стоял у плетня Фроси. Он не стал ходить вокруг да около. По-пешковски, прямо посмотрел в её ясные синие глаза и тихо спросил:

— Пойдёшь за меня, Фрося? Дом рубить начинаю, тебя хозяйкой жду.

Фрося не закричала от радости и не растерялась. Она молча сняла платок, бережно протянула его Василию в руки и едва заметно кивнула головой, пряча счастливую улыбку в уголках губ.

На Забайкалье отдать свой платок в руки казаку значило больше любого слова — это было её тихое, навек данное «Да».

Часть 2. Свадьба

Забайкальская степь звенела от чистого, морозного воздуха, а земля покрылась первым, хрустящим под ногами снегом. Сама природа, казалось, праздновала начало осенних свадеб.

Несмотря на Декрет об отделении церкви от государства, в казачьих районах церковные обряды оставались обязательной частью жизни.

Дорога из Сарбактуя в Унду гулко гремела под копытами крепких, резвых коней. Впереди мчались лучшие отцовские тройки. Кони рослые, сытые, иноходцы, с гривами, украшенными красными тряпицами, на которых звенели не простые колокольчики, а настоящие валдайские «бубенцы». Их малиновый звон в морозном воздухе был слышен за несколько верст, оповещая всю округу: «Золотой едет венчаться».

Сани, где должны сидеть невеста с женихом, после венчания были застелены медвежьими и волчьими шкурами.

Главным в этом нарядном свадебном поезде был Василий — стройный, статный парень из зажиточных старожилов, «золотая молодёжь» того времени, настоящий будущий хозяин. Он мчался к венчанию в первой тройке, в добротном кафтане из тонкого сукна, поверх которого накинута белая полушубок, а в кармане лежал мак от порчи.

Его дружки — разудалая деревенская молодёжь, первые щеголи округа — залиристо свистели, гикали во всю глотку и с треском пускали кнуты в синее небо. Их звон и свист создавали такой невообразимый праздничный шум, что казалось, сама степь отбивает ритм их весёлой кадрили.

Следом, в «невестиной» упряжке, везли Фросю. Рядом с ней сидела подружка, держащая свадебную икону. Фрося была сказочно хороша в подвенечном платье из тяжелого кремового шелка. Ее девичья коса гордо лежала на плече, а сама невеста сияла в нарядной шубке из белой мерлушки с мягкими, пушистыми завитками, внутри которых сваха заколола булавку от порчи.

В третьей тройке мчались свахи, подружки невесты и холостая молодёжь. Они везли свадебные атрибуты — каравай, завернутый в нарядное полотенце, и сундучок с венчальными принадлежностями.

Дорога была полна предсвадебного волнения и таинственных оберегов от сглаза, что придавали путешествию особую торжественность и загадочность.

В Унде в Спасо-Преображенском храме все замерло в торжественном ожидании молодых, пахло ладаном и воском.

Поднявшись на розовый венчальный подножник, Фрося в мягких кожаных торонтах бесшумно опередила Василия. Его же уверенный шаг выдавал весомый, праздничный скрип хромовых сапог — вся церковь зашептала, любясь такой красивой парой.

Василий высокий и статный, казалось вылитым из камня. Рядом с ним Ефросинья, укрытая светлым венчальным покрывалом, выглядела хрупкой горлицей. Когда священник возложил на их головы тяжелые венцы и они повернулись друг к другу, Василий взглянул в глаза молодой жены. В полумраке храма, при мерцании десятков свечей, ее голубые глаза сияли таким чистым, небесным светом, что у Василия защемило в груди.

Священник в праздничном одеянии трижды обошёл их вокруг аналая. Под куполом Ундинской церкви чёрные глаза Василия встретились с голубыми глазами Фроси — две забайкальские семьи слились в одну казачью семью Пешковых. С этого мгновения они стали единым целым, готовым встречать и радость, и бурю, — судьба больше не могла их разлучить.

Когда таинство завершилось и венцы были сняты, священник подвёл молодых к тяжёлому дубовому столу. На нём лежала раскрытая церковная книга — огромная, в кожаном переплёте, — в которой они поставили свои подписи, скрепив новый союз перед Богом и людьми.

В притворе церкви, под старинные тягучие песни, невесту торжественно «окрутили»: из ее волос вынули алую ленту — символ прежней свободы, «воли». Лента легко скользнула шелком, и Фрося, как велел обычай, тихо заплакала, прощаясь с беззаботной девичьей жизнью. Подруги ловко разделили ее густые волосы ровным пробором на две части и быстрыми движениями заплели две косы — знак того, что теперь она идет по жизни в паре.

Две косы уложили плотной короной и бережно покрыли глухим повойником и тяжелой праздничной шалью. Из дверей Ундинской церкви Фрося выходила уже не девицей, а замужней женщиной, окруженной по забайкальскому закону. Василий бережно взял ее под руку и повел к саням.

Обратно в Сарбактуй три тройки летели единым, ликующим вихрем. Подружные бубенцы звенели на все лады, наполняя падь звонким, победным переливом. В головной повозке хохотали дружки, расчищая путь своему вожаку.

В центре, как законный хозяин, мчался счастливый Василий. Его глаза сияли молодой, бесшабашной уверенностью:

— Я тебе дом-пятистеноч срублю — из самого крепкого листвяка! Я тебе такие хоромы поставлю, каких во всем районе больше не будет. Детей и внуков там поднимем — дом на века будет!

Он прижимал к себе молодую жену. Фрося верила каждому его слову, и в этом доверии звучала надежда на будущую, светлую жизнь. А позади громыхала упряжка со свахами и сундуками приданного.

На пороге отцовского дома молодых встречали с великой радостью. Назар высоко держал над головой венчальную икону в блестящем окладе. Рядом с ним, заменяя покойную мать, стояла старшая крестная сестра. Она широко улыбалась и держала тяжелый овчинный тулуп, вывернутый мехом наружу — символ сытости, богатства и счастливой жизни. С веселым смехом она щедро рассыпала под ноги Василия и Фросе пригоршню золотистой пшеницы.

Им не дано было знать, что вскоре эта весёлая кавалькада рассыплется в прах. Гражданская война разведёт их по разные стороны баррикад.

Те, кто сегодня кричал «Горько!» и обнимал Василия у порога церкви, завтра встретятся в сопках Балея — уже через прицел винтовки.

Кто-то уйдёт к партизанам, скрываясь по лесам, кто-то останется верен атаману Семёнову и будет вынужден эмигрировать в колючую Маньчжурию.

А кого-то впишут в расстрельные списки и протоколы допросов в Чите.

Но это будет потом. Сегодня — свадьба! И бубенцы поют только о любви.

Часть 4. Строительство пятистенка

На следующий день после свадьбы Василий привёл Фросю на пустырь. Топнул сапогом по твёрдой сухой земле и широко обвел рукой невидимые ещё стены.

— Здесь рубить будем, Фрося.

— От реки далеко, скажешь?

— Зато весной не поплывём. И до сельсовета близко, и до людей. Пешковы на отшибе не жили и жить не будут.

Фрося посмотрела на него, прищурилась, оценивая простор.

— Ладно, Василий Назарович, место видное. Только смотри — на виду у всех и зависти больше.

— Пусть завидуют, — отрезал он. — А мы заплот повыше поставим.

Место голое: ни куста, ни деревца. И домишко бы поменьше, как у людей... Куда нам такие просторы? — сказала Фрося, стоя на пустыре, оглядывая землю вокруг.

Пешков обернулся к ней. Глаза его азартно блеснули.

— Поменьше — это не про нас. Я для сыновей строю, для внуков.

Он шагнул по земле, будто уже мерил будущий двор, и продолжил:

— Два года уйдёт, Фрося. Раньше не проси. Первый год лес выстоится, в силу войдёт, осядет. Лиственница спешки не терпит, она характер имеет. А на второй год отделку пустим.

Подошёл ближе, положил тяжёлую ладонь ей на плечо, и голос его стал глуше:

— Я тебе такие хоромы поставлю, каких во всём Забайкалье не сыщешь. Срубим в чистую «лапу», тёсом обошьём, две печи выложим — в лютый мороз в одной рубахе ходить будешь.

Он снова обернулся к пустырю, словно уже видел там стены из золотистой лиственницы, и добавил:

— Век простоит. И нас с тобой переживёт.

Дом начинается не с фундамента, а с того часа, когда ты в тайге смотришь дереву в «лицо». Василий уходил в тайгу один. Говорил: «Дерево тишину любит, оно мне само подсказет, хочет ли в стену лечь». До самых морозов он ходил в тайгу, прислушивался и выбирал лиственницу.

Искал «рудовую» лиственницу — ту, что растёт на сухом месте. Василий подходил к стволу, очищал кусочек коры и смотрел на цвет: если древесина отливала густой медью, значит, выстоит и сто лет. Потом он бил по дереву обухом топора. Если звук был глухим, значит, дерево больное, с гнильцой внутри. Но если он слышал звонкий, костяной отзвук, это означало, что ствол плотный, без пустот. Тогда он отмечал дерево угольком — оно пойдёт в рубку.

Артель из двенадцати человек нашлась быстро. Договор с артельщиками заключили на берегу. Василий не обещал «золотых гор», но гарантировал «хозяйский харч» и честную плату по окончании работы, с условием: «Увижу брак — выгоню без копейки».

Василий достал из кармана ключ на кожаном шнурке и протянул старшему.

— Слушайте мой наказ, — голос Василия звучал глухо, как из бочки. — Зимовье моё знаете. Дорога туда одна, и та сейчас пустая. Заходите в сруб и обживайтесь.

Он сделал паузу, обводя мужиков глазами, будто пригвождая каждого к месту.

— С этого дня вы для мира пропали. Два месяца из леса — ни ногой. Ни за табаком, ни по девкам, ни к родне. Чтобы в округе никто и духу вашего не слышал и не знал, чей лес рубите и на чей аршин меряете. Высовываться запрещаю. Кто хоть раз в деревне покажется — оплаты не видать, и со мной разговор будет короткий.

Мужики переглянулись, но промолчали. Василий продолжил, уже мягче, но не менее строго:

— Раз в неделю, по субботам, буду приезжать сам. Проверю, как идёт работа, сколько стволов в штабелях лежит. С собой буду привозить харчи: муку, мясо, хлеб, сало, чай, курево. Голодными не останетесь, но и воли не ждите, пока триста лиственниц меченых не свалите.

— Лиственница — дерево каменное, суеты не любит. Вот и вы станьте как камень: тише воды, ниже травы. Работайте в звон, а живите в молчанку. С Богом.

Два месяца тайга сопротивлялась топорам артели. Мужики валили вековую лиственницу, обрубали сучья и снимали кору. Очищенные бревна оставались лежать в штабелях прямо на деляне, чтобы весеннее солнце «вытянуло» лишнюю тяжесть.

Летом бревна перевозили на мощных телегах-дрогах, которые под тяжестью оседали до самой оси. К этому времени лиственница становилась легче, и древесина быстро приобретала насыщенный золотисто-коричневый оттенок, полный силы и вечности.

Жаркое лето висело над сопками, и каждый шаг в тайге отдавался живым, гулким эхом, словно сама земля отзывалась на движение.

Основная забота о доме легла на плечи Фроси. Василий с утра до вечера трудился на стройке. Когда он возвращался, Анечка, недавно родившаяся, уже сладко спала. Первые дни давались особенно тяжело — бессонные ночи, колики, усталость, но Фрося знала: это временно. Василий был безмерно счастлив, обнимал её и шептал слова любви, которые согревали её сердце и давали силы встречать каждый новый день.

— Потерпи, родная...

В этих словах звучала не только просьба, но и уверенность, и любовь — крепкая и стойкая, как лиственница, что возводилась под его внимательным взглядом.

После свадьбы они поселились в доме отца. Назар был суровым хозяином, но не вмешивался в дела сына, лишь наблюдал из-под кустистых бровей, оценивая, как тот управляется.

Осенью начали закладывать фундамент и готовить площадку. Фундамент был прост и надёжен: по углам врыли могучие лиственничные столбы-стулья, обугленные в пламени, для вековой крепости.

Но настоящая жизнь дома начиналась с окладных венцов. «Без хозяина к венцу не подступаться!» — таков был уговор.

Василий особенно тщательно выбирал бревна из «рудовой» лиственницы. Эта древесина в земле не гниёт, а со временем становится как литой чугун. Если по ней ударить топором через тридцать лет, топор отскочит, высекая искру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.